

НОВОВЪИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 6 (1118)

Июнь, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАН СЕНЧИН — Аркаша, рассказ	3
МАКСИМ АМЕЛИН — Новые стихотворения	15
ГЕОРГИЙ ДАВЫДОВ — Лоция в море чернил	19
МАРИНА БОРОДИЦКАЯ — Молчальные камни, стихи	71
АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ — О непонимании и другие виньетки	74
ЕВГЕНИЙ КАРАСЁВ — В ожидании голубей, стихи	90
КАТЯ КАПОВИЧ — Бегунья, рассказ	95
ДЕНИС БЕЗНОСОВ — Иное ходит то стоит, стихи	100
ЮЛИЯ ЛУКШИНА — Вода, рассказ	104
ЕВГЕНИЙ ЧИГРИН — Солнечная смальта, стихи	111
ЕЛЕНА ЛЕВИНА — «Беспредельна и абсолютна одна лишь греза!» Воспоминания о Марии Федоровне Берггольц	114

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЛЕСЯ УКРАИНКА (1871 — 1913) — Живые струны. Перевод с украинского и вступление Александра Тимофеевского	122
--	-----

ОПЫТЫ

ВЛАДИМИР ВАРАВА — Похищенная смерть. Танатологические будни современности	126
--	-----

МИР НАУКИ

БОРИС ОРЕХОВ, ПАВЕЛ УСПЕНСКИЙ — Гальванизация автора, или Эксперимент с нейронной поэзией	139
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

МИХАИЛ ГОРЕЛИК — Израиль Михайлович	159
-------------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИРИНА СУРАТ — Расстрел	162
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Лиза Новикова. По ту сторону гротеска (Сергей Носов. Построение квадрата на шестом уроке)	180
Филипп Николаев. «А за всем за этим стоит работа...» (Денис Новиков. Река — облака)	183
Евгения Риц. Сглаз железного века (Денис Новиков. Река — облака)	187
Александр Доброхотов. Арифметика как предчувствие (Н. В. Мотрошилова. Ранняя философия Эдмунда Гуссерля)	191
Екатерина Орлова, Олег Клинг. Литературная судьба Андрея Платонова (Р. А. Поддубцев. Андрей Платонов и его критики)	194

КНИЖНАЯ ПОЛКА ТАТЬЯНЫ БОНЧ-ОСМОЛОВСКОЙ	197
СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	211
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	215

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	221
Периодика (составитель Андрей Василевский)	224
SUMMARY	240

В 2018 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakaznovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/

ИРИНА СУРАТ

РАССТРЕЛ

Гибель Николая Гумилева отозвалась долгим эхом в русской лирике. В годы революции и Гражданской войны расстрел стал частью повседневной жизни, но все-таки поэтическое переживание этой темы началось с ареста и расстрела Гумилева в августе 1921 года, и задал ее он сам еще при жизни, описав свою смерть от пули, подобно тому как Пушкин описал свою гибель на дуэли в истории поэта Ленского. В дальнейшем развитии русской лирики тема расстрела поэта будет звучать по-разному, но всегда очень лично — или от первого лица, или как актуальный, жизненно важный вопрос: «С какой целью я живу, / Кому нужны ее печали, / Зачем поэта расстреляли / И первый снег упал в траву?» (Сергей Гандлевский, 1997).

1

Николай Гумилев. «Рабочий»

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

Сурат Ирина Захаровна — исследователь русской поэзии, доктор филологических наук. Автор многих статей и книг, в том числе «Человек в стихах и прозе. Очерки русской литературы XIX — XXI вв.» (М. 2017). Постоянный автор «Нового мира». Живет в Москве.

Продолжение цикла «Три века русской поэзии», начало см. «Новый мир», 2006, № 11, «Новый мир», 2007, № 4, «Новый мир», 2009, № 1.

И Господь воздаст мне полной мерой
 За недолгий мой и горький век.
 Это сделал в блузе светло-серой
 Невысокий старый человек.

Стихотворение было впервые опубликовано с названием «Немецкий рабочий» 10 апреля 1916 года в газете «Одесский листок», в тот день Гумилев как раз прибыл в 5-й гусарский Александрийский полк, стоявший в Латвии на берегу Двины. Написано оно, видимо, «не ранее 28 марта, когда Гумилев уже узнал о назначении и о том, в каком районе ему предстоит служить, — в Латвии, на Двине, но сам там тогда еще не побывал»¹ — в это время он жил в Петрограде и учился в школе прапорщиков.

Стихи эти часто называют пророческими, хотя в них описан не расстрел, а будничные эпизоды войны; рабочий, отливающий пулю, совсем не воинственный «невысокий, старый человек», становится проводником смерти (как и в гумилевском стихотворении «За гробом» 1907 года, где смерть приходит в образе «нудного и медлительного рабочего»). В самой ситуации сквозит что-то толстовское — человек вовлечен в войну как будто не по своей воле, ему довлеет внешняя сила, а сам он просто делает свое рабочее дело. С другой же стороны Двины ему противостоит человек, который почему-то будет убит, пуля, ему предназначенная, кажется, сама найдет свой маршрут и свою жертву. Объединяет двух героев стихотворения фатальная предопределенность их странной, ничем не мотивированной связи. Отливающий пулю ничего не знает о жертве, но тот, для кого она отливается, уже знает все — потому что он поэт, потому что наделен визионерским даром и не предсказывает, а просто видит свою смерть: настоящее и будущее время в конце стихотворения сменяются прошедшим — гибель от пули в стихах уже произошла.

Лирический сюжет «Рабочего» соотносится с будущим эпизодом военной биографии Гумилева, описанным его сослуживцем: «Однажды, идя в расположение 4-го эскадрона по открытому месту, шт.-ротмистры Шахназаров и Посажной и прапорщик Гумилев были неожиданно обстреляны с другого берега Двины немецким пулеметом. Шахназаров и Посажной быстро спрыгнули в окоп. Гумилев же нарочно остался на открытом месте и стал зажигать папироску, бравируя своим спокойствием. Закурив папиросу, он затем тоже спрыгнул с опасного места в окоп, где командующий эскадрона Шахназаров сильно разнес его за ненужную в подобной обстановке храбрость...»² За этой «ненужной храбростью» стоит столь характерная для Гумилева жизнетворческая воля — «угрюмый и упрямый зодчий» (ст. «Память», 1920) своей судьбы, он особенно непреклонен был в отношении к собственной смерти, стремился непременно взять ее в свои руки. Вызов смерти, выбор смерти — постоянная гумилевская тема, от ранних стихов до последнего сборника «Огненный столп» (1921).

С началом мировой войны он называет самой достойной смерть «под пулями в рвах спокойных» («Смерть», 1915), но и задолго до войны Гумилев в стихах призывал смерть, бросал ей вызов: «...я зову любую», «я с нею буду биться до конца» («Сонет», 1905), утверждал «несравненное право — самому выбирать свою смерть» («Выбор», 1908). Этот выбор стал предметом рефлексии: «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой шели, / Утонувшей в густом плюще» («Я и вы», 1917). Вид будущей смерти обсуждался с друзьями, о чем мы знаем, например, из воспоминаний Надежды Яковлевны

¹ Степанов Е. Поэт на войне. Ч. 2. «Гусарская баллада Николая Гумилева. 1916 — 1917» (Выпуск 6). — «Toronto Slavic Quarterly», 2009, № 29 <<http://sites.utoronto.ca/tsq/29/stepanov29.shtml>>.

² Из рассказа полковника А. В. Посажного (по записи Ю. А. Топоркова) <<http://gumilev.ru/biography/5>>.

Мандельштам: «„Осип, я тебе завидую, — говорил Гумилев, — ты умрешь на чердаке”. Пророческие стихи к этому времени были уже написаны, но оба не хотели верить собственным предсказаниям и тешили себя французским вариантом злосчастной судьбы поэта»³. Главное было — выбрать смерть самому, как сделал гумилевский Гондла, герой одноименной поэмы (1917), заколовшийся тогда, когда конфликт с ненавистниками был исчерпан и его жизни ничто уже не угрожало.

Свой выбор Гумилев осуществил поэтическим словом, в силу которого верил. Из мотивов разных его стихов собирается будущее событие: «В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне...» («Заблудившийся трамвай», 1919) — здесь уже появляется палач, и снова насильственная смерть описана от первого лица в прошедшем времени. Но именно в «Рабочем» картинка оказалась наиболее близка к реальности, вплоть до деталей: кровь хлещет «на сухую, пыльную и мятую траву» — такой трава бывает к концу лета, в августе, когда Гумилев и был расстрелян. «Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы», — записала через много лет Ахматова⁴. Точность деталей характерна для подобных визионерских текстов: у Пушкина Ленский погибает на дуэли зимой, в январе, как погибнет потом и сам поэт; у Федерико Гарсиа Лорки в стихотворении «История и круговорот трех друзей» (1930) автор говорит о безуспешных поисках своей могилы — ровно так все и будет происходить через много лет после расстрела Лорки франкистами в 1936 году, поэзия то ли угадывает биографию, то ли направляет ее. Эти факты не относятся к области случайных совпадений и не слишком удивляют. Но откуда попала в стихи Лорки, в «Песнь матери Амарго» точная дата расстрела Гумилева, на тот момент даже в России не известная? — вот это уже лежит за гранью разумения: «...Август. Двадцать шестое. / Крест. И ступайте с миром. / Смуглым он был и сирым. / Душно, соседки, жарко — / где поминальная чарка? / Крест. И не смейте плакать. / Он на луне, мой Амарго» («Стихи о канте хондо», 1921 — 1926). Это — таинственная метка особой связи судеб, встреча на воздушных путях двух расстрелянных поэтов, не соприкасавшихся в реальности.

Гумилевский «Рабочий» — пролог к теме расстрела. Дальнейшее ее развитие шло вослед событиям и параллельно с возникновением «культа Гумилева»⁵, связанного с памятью о нем и его казни.

2

Анна Ахматова

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я,
Любит, любит кровушку
Русская земля.

Гумилев был арестован 3 августа 1921 года, Ахматова узнала об этом, по ее собственному признанию, на похоронах Александра Блока 10 августа 1921

³ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., «Согласие», 1999, стр. 16.

⁴ «Самый непрочитанный поэт». Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве. — «Новый мир», 1990, № 5, стр. 219.

⁵ См.: Тименчик Р. Д. История культа Гумилева. М., «Мосты культуры», 2018.

года⁶ — этим же днем, но по старому стилю (28 июля) помечено стихотворение памяти Блока «А Смоленская нынче именинница...», в нем уже появляется тема вдовства: «И приводят румяные вдовишки / На кладбище мальчиков и девочек / Поглядеть на могилы отцовские».

«Не бывать тебе в живых...» написано, скорее всего, после расстрела, но до того, как Ахматова узнала о нем. Историю стихотворения она рассказала в маленьком эссе «Искры паровоза» (1962):

«Я ехала летом 1921 из Царского Села в Петербург. Бывший вагон III класса был набит, как тогда всегда, всяким нагруженным мешками людом, но я успела занять место, сидела и смотрела в окно на все — даже и знакомое. И вдруг, как всегда неожиданно, я почувствовала приближение каких-то строчек. Мне нестерпимо захотелось курить. Я понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла какую-то дохлую Сафо, но... спичек не было. Их не было у меня, и их не было ни у кого в вагоне. Я вышла на открытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармейцы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но крупные, красные, еще как бы живые, жирные искры паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. „Эта но пропадет“, — сказал один из них про меня. Стихотворение было: „Не бывать тебе в живых...“ См. дату в рукописи — 16 августа 1921 (м. б. старого стиля)»⁷.

Судя по всему, это действительно дата старого стиля — Ахматова долго им пользовалась, не переходила на новый. Гумилев был расстрелян в ночь на 26 августа по новому стилю (13 августа по старому), но объявлено об этом было не сразу. Ахматова пишет свое стихотворение в остром предощущении беды, зная о ней наперед почти наверняка глубоким знанием сердца, но не зная факта. Угроза расстрела в те годы была совершенно реальной, приговоры выносились быстро и приводили в исполнение, как правило, на следующий день, так что оснований для самых плохих предчувствий было больше чем достаточно. В первых двух стихах ахматовского восьмистишия инфинитивные конструкции несколько двусмысленны по своей модальности — они читаются как приговор или пророчество, но дальнейшее развитие текста уже приводит приговор в исполнение — возникает воображаемая картина гибели «друга», при этом детали больше соответствуют сюжету условного эпизода войны, чем расстрела, — «Двадцать восемь штыковых / Огнестрельных пять». Упоминание несезонного «снега» отодвигает, отдаляет эту картинку от реальности, как отдаляют ее и элементы фольклоризации, такие как «обновушка» и «кровушка», рифмующиеся с «вдовишками» из стихов памяти Блока, в которых Ахматова еще дальше ушла по пути стилизации народной поэзии, конкретно — похоронной заплачки. Позже две смерти августа 1921 года сольются для Ахматовой, как и для многих других, в одну большую беду, но 16 августа она еще не знает доподлинно о случившемся, только предчувствует и предрекает — меткой этой тревоги и одновременно затаенной надежды (ср. устойчивое выражение «искра надежды») остались в памяти искры паровоза, из которых, собственно, и родилось стихотворение.

В 1914 году Ахматова, бывшая тогда женой Гумилева, провожала его на фронт, они расстались в Вильно, где она молилась Остробрамской иконе Божьей Матери, чтобы Гумилева обошла пуля, — об этом через много лет она расскажет поэту и переводчику Томасу Венцлова. На войне пулю его обошла — как напишет позже Гумилев, «святой Георгий тронул дважды / Пулюю не тронутую грудь» («Память», 1920), но другая пуля догнала его уже после войны, через год после этих стихов.

⁶ Ахматова А. А. Пестрые заметки. — В кн.: Ахматова А. А. Десятые годы. М., Издательство МПИ, 1989, стр. 262.

⁷ Там же, стр. 256.

3

Анна Ахматова

Страх, во тьме перебирая вещи,
 Лунный луч наводит на топор.
 За стеною слышен стук зловещий —
 Что там, крысы, призрак или вор?

В душевной кухне плещется водою,
 Половицам шатким счет ведет,
 С глянцевиной черной бородою
 За окном чердачным промелькнет —

И притихнет. Как он зол и ловок.
 Спички спрятал и свечу задул.
 Лучше бы поблескиванье дул
 В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой
 На помост некрашенный прилечь
 И под клики радости и стоны
 Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
 Боже, мир душе моей верни!
 Запах тленья обморочно сладкий
 Веет от прохладной простыни.

*27/28 августа 1921
 Царское Село*

Дата стоит в автографе, и вновь возникает вопрос — это дата старого стиля или нового? Знала в тот момент Ахматова, что Гумилева уже нет в живых, или не знала?

О том, как она узнала о расстреле, Ахматова рассказала П. Н. Лукницкому: «Через несколько дней после похорон Блока я уехала в Царское Село, в санаторию. Рыковы жили в Царском Селе тогда, на ферме, и часто меня навещали, — Наташа и Маня. Я получила письмо от Владимира Казимировича из Петербурга, в котором он сообщал мне, что виделся с А. В. Ганзен, которая сказала ему, что Гумилева увезли в Москву (письмо это у меня есть). Это почему-то все считали хорошим знаком.

Ко мне пришла Маня Рыкова, сидели на балконе во втором этаже. Увидели отца (Виктора Ивановича Рыкова), который подходил — вернулся из города и шел домой к себе на ферму. Он увидел дочь и позвал ее. Подбежала Маня, вернулась ко мне и сказала только: „Николай Степанович!..“ <...>

Отец прочел в вечерней „Красной газете“.

Я жила в комнате, в которой было еще пять человек и среди них одна (соседка по кровати) — член совдепа. Она в этот день ездила в город, в заседание, которым подтверждалось постановление. Вернулась и рассказывала об этом другим больным.

Утром поехала в город. На вокзале в Царском Селе увидела „Правду“ на стене. Шла с вокзала пешком в Мраморный дворец к Вольдемару Казимировичу. Он уже знал»⁸.

⁸ Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924 — 1925 гг. Paris, «УМСА-Press», 1991, стр. 52 — 53.

Сообщение в «Петроградской правде» о «таганцевском заговоре» появилось 1 сентября по новому стилю, из рассказа Ахматовой следует, что она узнала о случившемся накануне, 31 августа. В газете была указана дата вынесения приговора — 24 августа — и приведен список расстрелянных, но дата расстрела не была обнаружена.

Лукницкий в своих записях приводит еще один разговор:

«АА при мне вспоминала с Н. В. Рыковой, когда и при каких обстоятельствах она в первый раз читала ей стихотворение „Страх, во тьме перебирая вещи...“. АА спросила тогда Н. В., нет ли в этом стихотворении Гумилева? Сейчас АА тщетно пытается вспомнить, почему она задала тогда такой вопрос.

АА высчитывает и устанавливает, что стихотворение это было написано 25 августа⁹.

Можно предположить, что означал тот вопрос: считается ли в этих стихах тема расстрела Гумилева? и не слишком ли явно она звучит? — видимо, Ахматова пыталась оценить возможность их публикации в подцензурной советской печати. Само имя Гумилева еще какое-то время не попадало под запрет, но писать о его расстреле можно было только с осуждением его как предателя революции.

Стихотворение появилось в альманахе «Записки мечтателей» (1921, № 4) под названием «Страх», без 4-й строфы и с датой: «27/28 августа 1921. Царское Село». Косая черта между числами, скорее всего, означает ночь — и ночь как лирическое время героини, и ночь как время расстрела; дата под стихами входит в текст как предполагаемая дата казни. В автобиографических записках Ахматова называет другую ночь: «Об аресте Н<иколая> С<тепановича> я узнала на похоронах Блока. „Запах тленья обморочно-сладкий“ в моем стихотворении „Страх“, написанном ночью 25 августа 1921, относится к тем же похоронам¹⁰. Очевидно, что, не зная точно, в какую ночь был расстрелян Гумилев, она по-разному «высчитывала» эту дату и синхронизировала с ней датировку стихов уже по новому стилю, в соответствии с официально принятым календарем. Одно время считалось, что расстрел был 27 августа — именно эту дату называет, например, Георгий Иванов в «Петербургских зимах»; впоследствии утвердилась дата 25 августа — на основании известной практики расстреливать людей на следующий день после вынесения приговора. И только в 2014 году дата гибели Гумилева была достоверно установлена историком Анатолием Разумовым: 26 августа¹¹.

Это стихотворение звучит совсем не так, как предыдущее, написанное под «искры паровоза»: здесь нет стилизации, здесь господствует страх — с этого слова оно начинается, этим словом и было озаглавлено при первой публикации. Упоминание топора наводит на мысль о страшной казни, быть может, — обезглавливании¹², однако постепенно становится ясно, что героиня боится не смерти, но жизни. В обступившей тьме («Спички спрятал и свечу задул») возникает яркое видение собственного желанного расстрела как избавления от страха: «Лучше бы поблескивань дул / В грудь мою направленных винтовок», «в грудь мою» звучит акцентированно: мою, не чью-то, лучше бы убили меня. И это воспринимается не как поэтический ход, а как что-то органичное, как правда — недаром ведь по Петрограду тогда поползли упорные слухи о самоубийстве Ахматовой. Датируя стихи ночью казни, поэт совмещает себя с тем, кто здесь не назван и как будто вообще не присутствует, но сведущий чита-

⁹ Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой, стр. 63.

¹⁰ Ахматова А. А. Пестрые заметки. — В кн.: Ахматова А. А. Десятые годы, стр. 262.

¹¹ Петербургские историки установили точную дату гибели Николая Гумилева. Москва. 27 октября. Interfax.ru <<http://www.interfax.ru/culture/404132>>.

¹² О мотиве обезглавливания у Ахматовой см.: Тименчик Р. Д. К описанию поэтической мифологии Ахматовой. — В сб.: Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции. М., «Совет по истории мировой культуры АН СССР», 1989, стр. 24 — 25.

тель получает отчетливое указание на внутреннюю тему, на вписанное в стихи биографическое событие. Личное переживание расстрела как события, происходящего с самим лирическим субъектом, автором стихов, станет характерной чертой этой темы в дальнейшем ее развитии на протяжении всего XX века.

Четвертая строфа неслучайно была опущена при первой публикации: расстрел в ней отражен в красках — зеленой, красной — как яркое публичное действие, сопровождаемое реакцией толпы. Главное слово здесь — «прилечь», как будто расстрелянная героиня не падает на помост, а ложится на него по своей воле, как ложится отдохнуть или подремать уставший человек, и мы вместе с ней видим все это со стороны, словно в замедленной съемке.

Последняя строфа возвращает сюжет от видения к реальности. Здесь возникает обращение, но не к «другу», как в предыдущем стихотворении, — «друга» уже нет, даже и загробный разговор с ним невозможен. И молится героиня не о нем, а о себе, о своем душевном спокойствии. «Запах тленья, обморочно-сладкий» — впечатление, вынесенное с похорон Блока, как подсказала сама Ахматова, возможно, имея в виду не только погребение на Смоленском кладбище, но и посещение его квартиры на следующий день после смерти, 8 августа, когда ей стало дурно и ее увели¹³. При этом «запах тленья» переносится на «прохладную простыню», и этот финальный образ вмещает в себя и погребальный саван, и опустевшее, охладевшее супружеское ложе, и физическую близость смерти. Тема смертной и одновременно любовной постели развивается и в другом ахматовском стихотворении — «Чугунная ограда, / Сосновая кровать...», написанном от лица того, кто в этой ограде лежит, и помеченном тоже 27 августа 1921 года; в нем, однако, как и в ряде других ахматовских откликов на гибель Гумилева («Заплаканная осень, как вдова...», «В том доме было очень страшно жить...», «Пока не свалюсь под забором...»), нет самого расстрела — тема уходит вглубь, биографический повод остается за пределами текста.

Стихов на гибель Гумилева написано множество очень разных — от простодушной «Баллады» Ирины Одоевцевой («Потом поставили к стенке / И расстреляли его. / И нет на его могиле / Ни креста, ни холма — ничего») до обличительных куплетов Сергея Городецкого («И стал, слепец, врагом восстания, / Спокойно смерть к себе позвал <...> Что понял в гибели бессмысленной? / Какие вымыслил стихи?»)¹⁴. Все это мы оставляем за рамками разговора, останавливаясь только на тех стихах, через которые проходят важные тематические линии и в которых сам сюжет расстрела непосредственно присутствует, но одно исключение нельзя не сделать — нельзя пройти мимо стихотворения Осипа Мандельштама, написанного осенью 1921 года:

Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.

¹³ Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., ИМЛИ, 1982, стр. 817.

¹⁴ Эти и другие стихи о Гумилеве можно найти в сб.: Образ Гумилева в советской и эмигрантской поэзии. М., «Молодая гвардия», 2004.

Стихотворение написано вдали от Петрограда, в Тифлисе, по получении известия о гибели Гумилева и Блока, расстрел в нем не упомянут, да и вообще о смерти поэта речи нет, но при этом сходство с ахматовским «Страхом» удивляет и заставляет гадать — а не мог ли Мандельштам, будучи в Грузии, каким-то образом узнать стихи Ахматовой прежде, чем написать свои? Или другое — нет ли у этих двух стихотворений общего поэтического источника? Об этом написано прекрасное исследование, к которому и отсылаем заинтересованного читателя¹⁵. Действительно, в двух стихотворениях совпадают отдельные мотивы и образы, местами — дословно («Лунный луч наводит на топор» — «Звездный луч — как соль на топоре»), но глубинные различия важнее внешнего сходства. Ахматовская героиня замкнута на своих переживаниях, видениях и страхах, и само пространство ее стихов — замкнутое, ограниченное от мира. Не так у Мандельштама — его стихи открыты, в них есть земля и небо, есть большой мир, который меняется от принесенной жертвы, как меняется и сам поэт, его сознание. На тему жертвы указывает упоминание рядом с «топором» «соли», очищающей жертву перед закланием, — ср. «Всякое приношение твое хлебное соли солью, и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси Господу Богу твоему соль» (Лев. 2: 13), «...и всякая жертва солью осолится» (Мк. 9: 49)¹⁶. Надежда Яковлевна Мандельштам называла это стихотворение «переломным»: «...в эти двенадцать строчек в невероятном сжатом виде вложено новое мироощущение возмужавшего человека, и в них названо то, что составляло содержание нового мироощущения: совесть, беда, холод, правдивая и страшная земля с ее суровостью, правда как основа жизни; самое чистое и прямое, что нам дано, — смерть и грубые звезды на небесной тверди...»¹⁷

4

Владимир Набоков. Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот, сейчас, пальнет в меня —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

¹⁵ Ронен О. Луч. — «Звезда», Санкт-Петербург, 2011, № 9.

¹⁶ Об этом см. в указанной статье О. Ронена, а также: Гаспаров М. Л. Мандельштамовское «Мы пойдем другим путем»: о стихотворении «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» — «Новое литературное обозрение», 2000, № 41.

¹⁷ Мандельштам Н. Я. Третья книга. М., «Аграф», 2006, стр. 202 — 203.

Но сердце, как бы ты хотело,
 чтоб это вправду было так:
 Россия, звезды, ночь расстрела
 и весь в черемухе овраг.

1927

Берлин

Стихотворение, несомненно, связано с расстрелом Гумилева, к которому Набоков относился с большой любовью: «О Гумилеве нельзя говорить без волнения. Придет время, когда Россия будет им гордиться», — писал он в одной из рецензий в том же 1927 году¹⁸. В Гумилеве Набоков видел идеал мужественности, близкий к Пушкину: «Гордо и ясно ты умер, умер, как Муза учила. / Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем / медном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин» («Памяти Гумилева», 1923) — умер, «как Муза учила», то есть в соответствии с собственными стихами, исполненными бесстрашия перед лицом смерти. Отношение Набокова к стихам Гумилева по прошествии лет изменилось («Как любил я стихи Гумилева! Перечитывать их не могу...» — 1972), но восхищение личностью осталось навсегда.

В зачине стихотворения очевидна переключка с одним из стихотворений Ходасевича 1920 года: «Так бывает почему-то: / Ночью, чуть забрезжат сны...», и дальше эта связь закрепляется образом «циферблата», «глядящего» на героя в ночи, ср. у Ходасевича: «В полутьме с ночного столика / Смутно смотрит циферблат». Набоков очень высоко ценил Ходасевича как поэта, в какой-то мере находился под его влиянием, однако в этом случае влияние чисто внешнее, гипнотическое, сам же лирический сюжет стихотворения — это устойчивый метасюжет Набокова, реализованный многожды в его стихах и прозе: герой чудесным образом переносится в Россию, вопреки законам физики, минуя препятствия или просто проходя сквозь стены, и это перемещение чревато гибелью. Так или иначе, в разных формах этот сюжет присутствует в стихотворениях «Лыжный прыжок» (1925), «Билет» (1927), «Для странствия ночного мне не надо...» (1929), в романе «Подвиг» (1930 — 1932), в рассказе «Посещение музея» (1938). «Лыжный прыжок» интонационно близок к «Расстрелу» — то же воодушевление, та же модальность, та же мечта перенестись в Россию, чтобы там погибнуть:

И небо звездное качнется,
 легко под лыжами скользая,
 и над Россией пресечется
 моя воздушная стезя.

Увижу инистый Исакий,
 огни мохнатые на льду
 и, вольно прозвенев во мраке,
 как жаворонок, упаду.

В «Расстреле» лирический сюжет идет зигзагом: вначале все похоже на ахматовский «Страх» — ночь, кровать, полусон-полуявь, видение расстрела, циферблат часов превращается в дуло, нацеленное автору в грудь и шею, часы как будто отсчитывают последние минуты, но их же «тиканье» возвращает героя к реальности — для того только, чтобы он осознал и провозгласил свою мечту: «Но сердце, как бы ты хотело, / Чтоб это вправду было так...» Набоков, как и Ахматова, не говорит прямо о случившемся, но переносит расстрел на себя; оба поэта мыслят собственный расстрел в сослагательном наклонении («лучше бы...», «как бы ты хотело...»), но там, где у Ахматовой предпочтение

¹⁸ Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. В 5 тт. Т. 2. СПб., «Симпозиум», 1999, стр. 639.

смерти, потому что жизнь невыносима, там у Набокова — мечта, воодушевление, открывающаяся картина звездной ночи, и герой, видящий себя со стороны, сосредоточен не на смерти, а на звездах и черемухе, на их красоте.

Финал стихотворения звучит совсем по-гумилевски — в нем слышится торжество и вызов смерти, пусть и не такой прямой и открытый, как во многих стихах Гумилева. Через полвека Набоков, готовя к печати собрание своих стихов, счел нужным прокомментировать эту последнюю строфу: «В строках 17 — 20 фрейдисты усмотрели „жажду смерти“, а марксисты, не менее нелепо, „жажду искупления феодального греха“. Могу заверить и тех и других, что возглас в этой строфе — чисто риторический, стилистический прием, нарочно подсунутый сюрприз, вроде возведения пешки в более низкий ранг, чем ожидаемый ранг ферзя»¹⁹. Мифические фрейдисты и марксисты — только повод, чтобы зрелому Набокову несколько отстраниться от красоты этой строфы, объяснив ее с точки зрения поэтической структуры, о которой он много думал именно в связи с Гумилевым: «Читая его, понимаешь, между прочим, что стихотворенье не может быть просто „настроением“, „лирическим нечто“, подбором случайных образов, туманом и тупиком. Стихотворенье должно быть прежде всего интересным. В нем должна быть своя завязка, своя развязка. Читатель должен с любопытством начать и с волнением окончить. О лирическом переживанье, о пустяке необходимо рассказать так же увлекательно, как о путешествии в Африку. Стихотворенье — занимательно, — вот ему лучшая похвала»²⁰.

5

Владимир Набоков. Расстрел

Небритый, смеющийся, бледный,
в чистом еще пиджаке,
без галстука, с маленькой, медной
запонкой на кадыке;

он ждет; и всё зримое в мире
только — высокий забор,
жестянка в траве и четыре
дула, смотрящих в упор.

Так ждал он, смеясь и мигая,
на именинах не раз,
чтоб магний блеснул, озаряя
белые лица без глаз.

Всё. Молния боли железной...
Неумолимая тьма.
И воя, кружится над бездной
ангел, сошедший с ума.

<20 декабря 1927>

Как видим, Набоков пишет подряд два стихотворения с одним и тем же названием, проживая тему расстрела в разных вариантах. Тут важно напомнить, что отец поэта Владимир Дмитриевич Набоков был убит тремя выстрелами в упор в 1922 году в Берлине во время покушения монархистов на П. Н. Милюкова — это трагическое событие несомненно способствовало

¹⁹ Набоков В. В. Стихи. Анн Арбор, «Ардис», 1979, стр. 319.

²⁰ Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. В 5 тт. Т. 2, стр. 639 — 640.

острому восприятию темы. В этом втором стихотворении расстрел описан не от первого лица, а со стороны, поэт не воображает его, не видит во сне, а как будто присутствует при происходящем. В портрете героя узнаются черты Гумилева, каким он известен по мемуарам, — речь идет в первую очередь о характерной усмешке, улыбке, чаще всего ироничной или холодной. Тема расстрела проявляется не сразу, во второй строке о ней сигналиит частица «еще» — «в чистом еще пиджаке» — это порождает тревожные ожидания. Маленькая медная запонка на кадыке в следующей строфе превращается в цель — ср. в предыдущем стихотворении: «Закрыв руками грудь и шею, — вот-вот, сейчас, пальнет в меня...» Ожидание выстрела сравнивается с ожиданием вспышки фотоаппарата, как в другом стихотворении горящий циферблат сравнивался с дулом нацеленного ружья, но сравнение ориентировано, если можно так сказать, в противоположную сторону: если там поэт заглядывал из своего «благополучного изгнания» в катастрофическую российскую реальность, то здесь, наоборот, в час катастрофы он этим сравнением возвращается на одно мгновение в прежнюю мирную жизнь.

Расстреливаемый ждет выстрела «смеясь и мигая» — эти ключевые слова требуют особого пояснения. Сразу после гибели Гумилева начал формироваться «гумилевский миф», важной частью которого были и остаются слухи о героическом поведении поэта на следствии и непосредственно перед расстрелом. Эти слухи передавали друг другу и потом фиксировали в мемуарах, об этом рассказывали и писали, в частности, актриса Дориана Слепая, поэт, приятель Гумилева Владимир Павлов, поэт Николай Оцуп, прозаик и журналист Василий Немирович-Данченко — они ссылались то ли на чекиста, участвовавшего в расстреле, то ли на садовника, случайно оказавшегося поблизости и наблюдавшего казнь своими глазами. Все эти рассказы художественно оформил Георгий Иванов во втором издании своих псевдомемуаров «Петербургские зимы» (1952):

«Сергей Бобров, автор „Лиры лир“, редактор „Центрифуги“, сноб, футурист и кокаинист, близкий к В.Ч.К. и вряд ли не чекист сам, встретив после расстрела Гумилева М. Л. Лозинского, дергаясь своей скверной мордочкой эстета-преступника, сказал, между прочим, небрежно, точно о забавном пустяке:

— Да... Этот ваш Гумилев... Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докурил папиросу... Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает»²¹.

На подобные рассказы опирался Набоков, представляя себе расстрел Гумилева; в 1941 году в английской лекции «Искусство литературы и здравый смысл» он описал это так, как будто видел сам: «Одной из главных причин, по которой лет тридцать назад ленинские бандиты казнили Гумилева, русского поэта-рыцаря, было то, что на протяжении всей расправы: в тусклом кабинете следователя, в застенке, в плутающих коридорах по дороге к грузовику, в грузовике, который привез его к месту казни, и в самом этом месте, где слышно было лишь шарканье неловкого и угрюмого расстрельного взвода, — поэт продолжал улыбаться»²². Один поэт сопровождает другого по всем кругам ада, восхищается им, свидетельствует о его предсмертной улыбке — перед нами визионерство как высшее проявление эмпатии.

Последние строки стихотворения неожиданно экспрессивны. Если тот «Расстрел» завершался апофеозом красоты («весь в черемухе овраг»), то здесь в конце разверзается бездна с обезумевшим, воющим ангелом над ней. Этот финальный страшный образ придает эпизоду космический масштаб.

²¹ Иванов Г. В. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 3. М., «Согласие», 1994, стр. 168.

²² Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М., «Независимая газета», 1998, стр. 472 (перевод с английского Г. Дашевского).

6

Георгий Иванов

Но черемуха услышит
И на дне морском простит...

О. Мандельштам

Это было утром рано
Или было поздно вечером
(Может быть, и вовсе не было).

Фиолетовое небо
И, за просиявшим глетчером,
Черный рокот океана.

...Без прицела и без промаха,
А потом домой шажком...

И оглошшая черемуха
Не простит на дне морском!

<1954>

Стихотворение начинается как рассказ о событии не вполне достоверном, обретающем реальность по мере развития текста: кого-то расстреливают на берегу океана. Эпиграф из Мандельштама дает ключ, подсказку: по убедительному предположению А. Ю. Арьева, это стихи о воображаемом расстреле Мандельштама²³. Эпиграф взят из мандельштамовского стихотворения 1918 года «Что поют часы-кузнечик» — две строки о черемухе Георгий Иванов цитирует в том виде, в каком они были напечатаны в сборнике «Tristia» (1922), современный читатель знает эти стихи в другом варианте: «Но черемуха услышит / И на дне морском: прости» — то есть не черемуха услышит и простит или не простит, а черемуха услышит слово «прости», доносящееся со дна, из глубины небытия. Очевидно, и следующую мандельштамовскую строчку Георгий Иванов помнил так, как она была напечатана в прижизненном сборнике: «Потому что смерть невинных, / И ничем нельзя помочь» — в современных изданиях печатается: «Потому что смерть невинна...» Эти разночтения помогают услышать тот звук, на который отзывается Георгий Иванов своими стихами, — он отзывается на мандельштамовскую тему «смерти невинных» и прощения за нее²⁴.

Как показал А. Ю. Арьев, Георгий Иванов всю жизнь состоял в поэтическом диалоге с Мандельштамом — начался этот диалог в России, во времена их личного общения до 1922 года, и продолжился в 1920 — 1930-е годы, когда Иванов жил в эмиграции. «И вся его новая, в 1944 — 45 году поднявшаяся — и до смерти докатившаяся — лирическая волна держится во многом на воображаемом диалоге с „мертвым другом“»²⁵.

²³ Иванов Георгий. Стихотворения. СПб. — М., «Прогресс-Плеяда», 2009. Т. 1, стр. 709 (комм.).

²⁴ Ср. в его стихотворении 1948 года: «Расстреливают палачи / Невинных в мировой ночи...» («Лунатик в пустоту глядит...»).

²⁵ Арьев А. Ю. Георгий Иванов и Осип Мандельштам. — В кн.: Георгий Владимирович Иванов: Материалы и исследование. М., Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2011, стр. 146.

Обстоятельства гибели Манделъштама долгое время оставались неизвестны в эмигрантских кругах. В апреле 1942 года, узнав, что Р. В. Иванов-Разумник интернирован с оккупированной территории СССР в Германию, Иванов пишет ему из Биаррица, спрашивает о судьбе петербургских друзей-поэтов, в том числе и Манделъштама, и получает ответ: «Последний — погиб в ссылке (в Воронеже, в сумасшедшем доме) еще в 1937-<193>8 году»; впоследствии до Георгия Иванова дошел слух, что Манделъштам «выбросился из окна, чтобы избежать „окончательной ликвидации“»²⁶. Вообще слухи о Манделъштаме ходили самые фантастические — то ли его расстреляли немцы (или энкавэдэшники) в Ельце в 1941 году, то ли он уже после войны погиб в Крыму; периодически возобновлялись разговоры о том, что на самом деле «О. М. жив, но полуглох, полуслеп»²⁷. Уже в 1961 году Георгий Адамович писал: «Отчего умер он на Дальнем Востоке? Как забросило его туда, что ждало его там, останься он жив? Ничего, кроме смутных и противоречивых слухов, до нас не дошло»²⁸.

В контексте этих слухов и возникает стихотворение Георгия Иванова о расстреле на берегу океана. Сама тема расстрела волновала его много лет, с нее начинаются «Петербургские зимы» — с того, что к расстрелам привыкли, их «перестали замечать», говорили о них как о чем-то обыденном²⁹. Так же обыденно выглядит расстрел в этом стихотворении. Если Набокову важен индивидуальный портрет и стойкое поведение героя перед смертью, то у Георгия Иванова нет ни портрета, ни поведения, ни героя — все происходящее у него буднично, невнятно, событие обезличено — это случилось с одним из многих, неизвестно когда и с кем. Расстрел вписан в яркую природную раму — фиолетовое небо, черный океан и «просиявший глетчер», ледник, просвеченный восходящим или заходящим солнцем, — так Иванов представлял себе Дальний Восток, место гибели Манделъштама. Черемуха в этих стихах не пейзажная, как у Набокова, — здесь это знак поэтической памяти, личной связи с тем, о ком помнит и говорит стихотворение и на кого прямо указывает эпиграф.

В стихах Манделъштама черемуха встречается не раз. Но в одном стихотворении — позднем, воронежском, 1937 года — черемуха рифмуется так же, как у Георгия Иванова, она бьет, да еще и «без промаха»: «На меня нацелилась груша да черемуха — / Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха...», и дальше: «С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-цельми / В воздух, убиваемый кистенями белыми». Мог ли Иванов знать это стихотворение? Теоретически мог, хотя тогда оно еще не было напечатано, — списки манделъштамовских стихов, часто ущербные, обрывочные, достигали Парижа, как и других центров русской эмиграции. А. Ю. Арьев полагает, что Иванов был с этим стихотворением знаком и оттолкнулся от его образов, когда писал свое. Может быть и так, хотя у Манделъштама бьет «без промаха» сама жизнь, красота и любовь, а в ивановском стихотворении «без прицела и без промаха» стреляют палачи, убивающие свою жертву в упор, в затылок³⁰. Но, возможно, здесь и просто совпадение, подсказка языка, не дающего к слову «черемуха» большого выбора рифм.

Так или иначе, черемуха сопровождает эту тему, и в финале стихотворения именно она отзывается болью на будничную, безымянную смерть.

²⁶ Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942 — 1946 годов. М. — Париж, «Русский путь», 2001, стр. 29.

²⁷ Цит. по: Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М. — Иерусалим, «Мосты культуры», 2008, стр. 562.

²⁸ Адамович Георгий. Несколько слов о Манделъштаме. — Воздушные пути. Альманах. Вып. 2. Нью-Йорк, ред.-изд. Р. Н. Гринберг, 1961, стр. 100.

²⁹ Иванов Георгий. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3, стр. 6.

³⁰ Ср. у Ивана Елагина: «Знаю, не убьет меня злодей, / Где-нибудь впотьмах подкарауля, / А во имя чьих-нибудь идей / Мне затылок проломает пуля».

7

Иосиф Бродский. Определение поэзии*Памяти Федерико Гарсиа Лорки*

Существует своего рода легенда, что перед расстрелом он увидел, как над головой солдат поднимается солнце. И тогда он произнес: «А все-таки восходит солнце...» Возможно, это было началом стихотворения.

Запоминать пейзажи
за окнами в комнатах женщин,
за окнами в квартирах родственников,
за окнами в кабинетах сотрудников.

Запоминать пейзажи
за могилами единоверцев.

Запоминать
как медленно опускается снег,
когда нас призывают к любви.

Запоминать небо,
лежащее на мокром асфальте,
когда напоминают о любви к ближнему.

<...>

Лунной ночью
запоминать тяжелые речные волны,
блестящие, словно складки поношенных брюк.

А на рассвете
запоминать белую дорогу,
с которой сворачивают конвоиры,
запоминать,
как восходит солнце
над чужими затылками конвоиров.

1959

19-летний Бродский соединяет тему расстрела с традиционной темой искусства поэзии, с перевесом в сторону последней. Об этом говорит и название, прямо отсылающее к одноименным стихам Пастернака³¹, — Бродский как будто вступает с ним в спор, давая свое развернутое определение поэзии. Как и Пастернак, он строит свое определение на перечислениях, но включает их в раму расстрела — он определяет поэзию за того, кого вот-вот убьют, солидаризируется с ним в последнее мгновение перед казнью, разворачивая это мгновение в большую картину жизни, не конкретной жизни своего героя, а жизни вообще, предстающей чередой отдельных, главным образом зрительных впечатлений. Эти картинки перекрывают мораль — «когда напоминают о любви к ближнему», «когда нам объясняют, что мы должны делать», поэт смотрит в сторону, он хочет прежде всего видеть и «запоминать». Главное слово, повторенное в стихотворении много раз, структурирует не только текст, но и саму жизнь, какой она предстает поэту на границе смерти — своей или чужой. «Запоминать» — императив, рожденный мыслью о близости смерти; само зрение поэта, фиксирующее пейзажи, тени, потоки дождя, речные волны,

³¹ «Определение поэзии» (1919) включено в цикл «Заняты философией» в составе книги «Сестра моя жизнь».

противостоит смерти, а вернее — делает ее неважной, несущественной. Поэзия отодвигает смерть на второй план.

У Бродского тут два стихотворения в одном: первое — эпитафия о расстреле Лорки, 4 стиха верлибра, содержащие в себе еще и зародыш возможного стихотворения Лорки, второе — основной текст как развернутая вариация на ту же тему, что обнаруживается лишь в самом конце. Поэт, сливаясь со своим героем, перечисляет все то, что нужно запомнить перед смертью, — это и есть определение поэзии: поэт должен видеть мир как в последний раз, в последний миг жизни. Название звучит вызывающе не только в отношении Пастернака, но и в отношении самой темы — это апология поэзии, а расстрел — только повод для нее.

Пройдет 10 лет, и Бродский опишет расстрел по-другому:

Что же пишут в газетах в разделе «Из зала суда»?
 Приговор приведен в исполнение. Взглянувши сюда,
 обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе,
 как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены;
 но не спит. Ибо брезговать кумполом сны
 продырявленным вправе.

«Конец прекрасной эпохи», 1969

Здесь уже расстрел — не повод думать и говорить о поэзии, здесь поражает сама смерть, явившаяся поэту в своей грубой наготе.

8

Сергей Чудаков

Предъявили мне бумажку
 Разрешили мне сказать
 Дайте чистую рубашку
 Перед тем как расстрелять
 И почти убитый даже
 Я сквозь холод ледяной
 Вспомню как лежал на пляже*
 Рядом с девушкой одной
 Ранним утром просыпаюсь
 В розовеющем саду
 Пахнет порох, накаляясь
 Залп. Сейчас я упаду

*Сухум, 1971.

Сергей Чудаков снискал себе славу «русского Вийона» — от него остались легенды, но не осталось фотографий, стихи его практически не печатались при жизни и дошли до нас лишь частью, потому что автор их не записывал и не хранил; люди его знавшие и любившие с неохотой вспоминают, что жил он сутенерством и воровством³², один из его друзей литературовед Олег Михайлов назвал его «юродом нашего больного века, соединявшим в себе плутовство, талант и сумасшествие»³³. В какой-то момент Чудаков исчез, по Москве и

³² Жизнеописание Чудакова см.: Орлов Владимир. Чудаков: Анатомия. Физиология. Гигиена. — «Знамя», 2014, №№ 10 — 11.

³³ Михайлов Олег. Русский Вийон. — В кн.: Чудаков Сергей. Колёр локаль. М., «Культурная революция», 2007, стр. 5.

Ленинграду распространились слухи, что он замерз в подъезде, и Бродский отозвался на эти слухи известным стихотворением «На смерть друга» (1973):

<...>

да ложится тебе, как в большом оренбургском платке,
в нашей бурой земле, местных труб проходимцу и дыма,
понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке,
и замерзшему насмерть в параднике Третьего Рима.
Может, лучшей и нету на свете калитки в Ничто.
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
чьи застежки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твоём ищет угрюмый Харон,
тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно.
Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
с берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.

Отношение к смерти говорит нам и об авторе этих строк, и о его герое: смерть — всего лишь «калитка в Ничто», ей не придается особого значения. Тогда, в 1973 году, Чудаков не умер — он попал под следствие, был признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение, это повторилось еще не раз, в конечном счете в 1990-е он потерял жилье, оказался на улице и пропал совсем, говорили, что он был убит за квартиру, и только в 2014 году стало известно: Сергей Чудаков умер в Москве на улице от сердечного приступа в октябре 1997 года.

В стихотворении Чудакова про расстрел серьезность темы контрастирует с легковесностью тона и нарочитой красотой начального поэтического жеста: «Дайте чистую рубашку», — просит герой, как будто собирается на праздник или свидание; ср. у Набокова: «В чистом еще пиджаке» — через мгновение пиджак будет залит кровью. Вызов смерти звучит у Чудакова совсем не героически, не так, как во многих стихах Гумилева, — примеряя на себя судьбу расстрелянных, он все обращает в шутку с легким абсурдистским сдвигом: «И почти убитый даже / Я сквозь холод ледяной...» Предсмертное воспоминание о девушке на пляже — вызов и смерти, и серьезности жизни; впрочем, Чудаков их не разделял, придумав слово «жизнесмерть» и написав об этом поэму³⁴.

В стихах о расстреле он играет не только со смертью и с жизнью, но и с самим сюжетом — стих «Ранним утром просыпаюсь» как будто переводит картинку расстрела в статус видения или сна, как было у Ахматовой и у Набокова, но граница между сном и реальностью не объявлена и расстрел все-таки случается — то ли наяву, то ли во сне. В финальном стихе узнается прямая цитата из знаменитого детского стишка Агнии Барто «Бычок» (цикл «Игрушки»):

Идет бычок, качается
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

Оказалось, что расстрел — игрушечный, но эта поэтическая игра примыкает к традиции благодаря самой теме и заключенной в ней исторической памяти, а еще благодаря собственно поэзии — той органичной, легкой, свободной интонации, которая отличает живые стихи от придуманных, мертвых.

³⁴ Чудаков Сергей. Оставшись летом в Москве, подражаю китайским авторам. — «Знамя», 2015, № 10.

9

Леонид Губанов

Раскрасневшись, словно девочки,
 Розы падают к ногам.
 Не меня поставят к стеночке,
 Наведут на грудь наган.
 И на лестницы парадные
 Брызнет кровь и там, и тут.
 Не меня в туманы ватные,
 Скрутив руки, поведут.
 Вздрогнет лес, сосне заплачется,
 Елям будет горячо,
 Месяц в небе обозначится,
 Как цыганское плечо.
 Вся в царапинах и ссадинах,
 В присвистах и бубенцах.
 Моя родина — ты гадина.
 И стоишь на подлецах.

7 мая 1983, Пасха

Стихотворение написано незадолго до смерти — в сентябре того же 1983 года Леонид Губанов будет найден в своей комнате сидящим в кресле. Обстоятельства смерти неясны, но многожды предсказаны самим поэтом: «И локонов дым безысходный, / И я за столом бездыханный, / Но рукопись стала свободной, / Ну что ж, до свиданья, Губанов!», или: «Я не на улице умру / среди бесстыдного народа, / а книжных полок посреди, / черновиков где рваный ворох». Мысль о собственной смерти постоянно присутствовала в его стихах, есть она и в стихотворении о расстрелах, но высказана не впрямую, а через отрицание: «Не меня поставят к стеночке» — это ведь двойственное высказывание, поставят не меня, а могли бы и меня, ср. в других его стихах: «Что если родина убьет? / Ведь смерть поэта не в новинку», или: «Гори, костер, гори, моя звезда! / И пусть, как падший ангел, я расстрелян...», или: «Россия иль Расея, / алмаз или агат... / Прости, что не расстрелян / И до сих пор не гад». Себе он выбрал смерть другую, но мысль о тех, кого «в туманы ватные, / скрутив руки, поведут», обращена не только назад, но и вперед, в будущее — опыт прошлого не изжит, все то же самое ожидает нас впереди.

Стихотворение кажется вулканическим извержением чувств, при этом оно цитатно и имеет собственно литературный объем. Розы, брошенные к ногам, в сочетании с темой смерти и темой родины, отсылают к Северянину, к его знаменитому «Как хороши, как свежи будут розы, / Моей страной мне брошенные в гроб». О Северянине Губанов не мог не помнить, выясняя отношения с родиной, — первая его публикация в 1964 году вызвала неожиданно резкий и глумливый отклик в центральной прессе, анонимный фельетон под названием «Куда до них Северянину!», закрывший юному поэту возможность печататься. Северянинские «розы» поддерживают песенно-романсную интонацию есенинского или цыганского разлива, столь характерную для стихов Губанова и закрепленную здесь прямым упоминанием «цыганского плеча» и «бубенцов».

«Не меня поставят к стеночке» — но описываются расстрелы так, как будто поэт на них присутствует, видит брызнувшую кровь и сочувствие природы (вспомним оглохшую от выстрелов черемуху у Георгия Иванова), да вообще и не важно, меня или не меня, — со всеми невинно убиенными Губанов ощущает кровную связь:

О родина, любимых не казни,
 уже давно зловещий список жирен.

Святой водою ты на них плесни,
ведь только для тебя они и жили.

А я за всех удавленничков наших,
за всех любимых, на снегу расстрелянных,
отверженные песни вам выкашливаю
и с музой музицирую раздетой.

Как видим, эта тема у него не случайна и свои «отверженные песни» он поет за тех, кого здесь оплакивает.

В строфе о «гадине» поэт срывается на крик, но крик этот тоже осложнен литературными аллюзиями: рифма *родина-гадина* помнит о *родине-уродине* раннего Маяковского, которого Губанов очень любил. Родина этой строфы сама вся изранена, и неизвестно куда она с присвистом несется, подобная гоголевской птице-тройке. Вызов ей брошен в этих стихах поэтом «погибшего литературного поколения», «замолчанного поколения»³⁵, одним из тех, кто не видел в печати своих сочинений и проводил годы в психушках. Его право на крик не обсуждается.

Стихов о расстреле написано еще немало — и поэтами известными, такими как Иван Елагин, и поэтами ГУЛАГа, такими как Виктор Хародчинский, расстрелянный в 1937 году в возрасте 24-х лет:

И меня расстреляют... Печален, спокоен,
Я пройду сквозь тюремную серую муть,
Перед взводом поставят, и точен, и строен
Ряд винтовок поднимется, целя мне в грудь.
Мимолетно припомню судьбу Гумилева,
Лица милых расстрелянных где-то друзей,
На солдат посмотрю, — будут странно суровы
И угрюмо бездумны глаза палачей...
И спешащий вдогонку годам отгремевшим
Будет страшен секунд утомительный бег...
Залпа я не услышу... Лицом побелевшим
Вдруг уткнусь в окровавленный колющий снег.

Расстрел — лишь один из видов государственного, узаконенного насилия, в советское время их было много разных, но именно расстрел стал поэтической темой, стал лаконичным символом огромного зла, которому противостоит поэзия как воплощение самой жизни. Это сформулировал в «Четвертой прозе» Мандельштам, цитируя Есенина:

«...не расстреливал несчастных по темницам...

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы».

В завершение темы приведем неполный список поэтов и прозаиков, расстрелянных за годы советской власти: Бенедикт Лившиц, Борис Корнилов, Павел Васильев, Николай Клюев, Николай Олейников, Николай Гумилев, Тициан Табидзе, Юрий Юркун, Вильгельм Зоргенфрей, Сергей Клычков, Владимир Нарбут, Бруно Ясенский, Исаак Бабель, Артем Веселый, Владимир Киршон, Перец Маркиш, Борис Пильняк...

³⁵ Седакова Ольга. О погибшем литературном поколении. Памяти Лени Губанова <<http://www.olgasedakova.com/Poetica/1101>>.

SUMMARY

This issue publishes a short story by Roman Senchin «Arkasha», a novel-essay by Georgy Davydov «A Pilot Chart in the Ink Sea», also «About Misunderstanding and Other Vignettes» by Aleksander Zholkovsky, a short story by Katya Kapovitch «A Runneress», a short story by Yuliya Lukshina «Water» and memoirs by Yelena Levina «Only A Dream is Bondless and Absolute!» on Maria Berggoltz. A poetry section of this issue is composed of new poems by Maksim Amelin, Marina Boroditskaya, Evgeny Karasyev, Denis Beznosov and Evgeny Chigrin.

Sections offerings are following:

New Translations: «Vivid Chords» — Lesya Ukrainka's poems in the Aleksander Timofeevsky's translation from the Ukrainian.

Essays: Vladimir Varava in his essay «Stolen Death» writes about the place of Death in the modern world conceptions.

A World of Science: Boris Orekhov and Pavel Uspensky in the article «A Galvanization of an Author or an Experiment with Neuron Poetry» write about experimental computer poetry texts generating and how a person distinguishes between computer-written and human being's texts.

«Publications and Reports»: Mikhail Gorelik in his essay «Israel Mikhailovitch» writes about a school teacher which during 60-th made his students to write essays on Solzhenitsyn texts.

Literature Studies: Irina Surat in her article «A Shooting Down» writes about a motive of the execution by shooting in Russian poetry.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Тексты, присланные на электронных носителях и по электронной почте, а также рукописи объемом более 12 авт. л. не рассматриваются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“» в качестве товарного знака по классам МККТУ 16, 38, 41, 42.

Общественный совет: М. А. Амелин, Д. П. Бак, П. В. Басинский, А. Г. Битов, А. Г. Волос, Д. А. Данилов, Б. П. Екимов, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким, Р. Т. Киреев, Ю. М. Кублановский, А. С. Кушнер, А. Н. Латынина, Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, В. С. Непомнящий, И. Б. Роднянская, О. А. Славникова, М. О. Чудакова, О. Г. Чухонцев

Главный редактор **А. В. Василевский**

Первый заместитель главного редактора **М. В. Бутов**

Редакционная коллегия: **М. С. Галина, В. А. Губайловский, М. Б. Ионова, С. П. Костырко, П. М. Крючков** (зам. главного редактора), **О. И. Новикова**

Компьютерная верстка — **М. А. Каганова**

Адрес редакции: 127006, Москва, Малый Путинковский пер., д. 1/2.

Телефоны: главный редактор — (495) 650-57-02, заместитель главного редактора — (495) 650-91-81, отдел прозы — (495) 694-54-96, отдел поэзии — (495) 629-56-92, отдел критики — (495) 650-57-02, для справок, продажа журналов — (495) 694-08-29.

Электронная почта: nmir2007@list.ru

по вопросам зарубежной подписки: novi-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: <http://www.nm1925.ru> • <http://novymirjournal.ru/>

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77-15286 от 28 апреля 2003 г.

Учредитель и издатель — ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“».

Сдано в набор 28.04.2018 г. Подписано к печати 28.05.2018 г. Формат бумаги 70×108 1/16. Бумага кн.-журн.

Офсетная печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 2200 экз. Зак. 735-2018. Цена договорная.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»,

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62

<http://www.redstarph.ru> e-mail: kr_zvezda@mail.ru